

Поле брани

Нет в России такой семьи, которой бы не коснулась заточённым острием война. Никакой мерой не оценишь степень пережитого горя. Первый и самый беспощадный удар врага приняла на себя Белоруссия. Глубоко пропитались кровушкой юных бойцов стены Брестской крепости, и долго ещё после войны стонала белорусская земля от тяжести мёртвых тел на полях, в лесах и фашистских гетто. Подробности страшных событий тех лет я многократно слышала от бабушки и мамы.

Мой дед (мамин отец) был репрессирован в 1937 году. Бабушка с двумя детьми после ареста мужа вернулась в родной Могилёв и нашла приют у сестры. В мае 1941 года дед вернулся из лагеря благодаря бесконечным хлопотам своих друзей из ЦК партии, с которыми начинал революционную деятельность в 1906 году. В тот майский день Галя (моя мама) бежала из школы и увидела на скамейке у дома беззубого старичка. У него были глаза отца. Только большие карие глаза и остались от молодого, статного, цветущего мужчины. Вскоре его вызвали в Москву. До начала войны оставалось пять дней.

22 июня, после сообщения о нападении фашистской Германии, в городе началась суматоха с мобилизацией. Уже к утру следующего дня до Могилёва донеслись страшные известия о происходящих боях в Бресте и на западных рубежах, в больницу прибывали тяжелораненные молодые офицеры и солдаты (в основном те, кто лишился конечностей при бомбежке). Стало понятно, что немцы вот-вот займут город.

Через неделю немецкие войска подошли к Могилёву. Передний край обороны проходил в десяти километрах от города, у деревни Буйничи. Там развернулись тяжелейшие судьбоносные бои: нельзя было дать врагу полностью окружить отходящие войска Красной армии. И областному руководству нужно было время, чтобы решить не менее важную задачу: тщательно подготовиться к работе в условиях подполья.

12 июля противник направил на Буйническое поле 70 танков, потом – ещё и ещё по столько же.

Ценой невероятных усилий наши солдаты десять дней удерживали позиции, пока все не полегли

↑ Мемориальный комплекс «Буйническое поле»

на поле битвы. За 10 дней боёв было отражено 27 вражеских атак, подбито и сожжено 179 танков и бронетранспортёров. Чудом выжил оказавшийся 13–14 июля в эпицентре боёв корреспондент «Известий» Константин Симонов. Он опишет Буйническую бой и расскажет всему миру правду о войне в гениальном романе «Живые и мёртвые».

Этот эпизод я вспомнила не случайно. Несколько лет назад мы с сестрой отправились на Буйническое поле. О боях на этом месте нам рассказывал преподаватель истории в институте. В 1979 году одна из моих сокурсниц устроилась на работу в краеведческий музей. Как-то осенью, по большому секрету, она сообщила «страшную тайну»: в конце августа приезжали сын и вдова К.М. Симонова и развеяли над Буйническим полем прах писателя по его завещанию. Покидая это место 14 июля 1941 года, военный корреспондент и писатель знал, что те солдаты, с которыми он только что беседовал, сделали свой выбор: они останутся лежать

на священной земле под открытыми небесными очами. А он должен жить, чтобы выплеснуть всю боль о войне.

И вот мы едем по шоссе Могилёв – Бобруйск. На шестом километре открывается панорама мемориального комплекса «Буйническое поле»: в центре стоят часовня и музей, а у края поля лежит памятный камень с надписью «Константину Симонову». Из настоящих орудий и танков авторы мемориального комплекса воссоздали линию наступления противника и линию нашей обороны. Перед глазами – живая картина боя. Воображение разыгралось мгновенно, и взметнулись языки пламени над танковой бронёй, и ожили позиции русских воинов. И увидела я Константина Симонова с его товарищем-фотографом под градом свистящих пуль, и свою бабушку Шуру, убегающую с детьми (моей мамой и тётёй) от гестапо...

Гитлеровцы захватили Могилёв. С первых дней они прекрасно ориентировались в городе, знали, в каком здании находятся те или иные

Буйничское поле с орудиями

заведения. В десяти минутах ходьбы от дома, где жила с детьми Шурочка, находилось ремесленное училище – здесь расположилось гестапо. Окна выходили на огромный и шумный Быховский рынок, который с приходом немцев сразу же онемел. В мирные дни он так гудел по утрам от звонких голосов товаров, истошного крика кур и визга поросят, что жители окрестных улиц просыпались вместе с этим ранним гулом. И вдруг всё стихло: никто не смеялся и не ругался, как прежде, не расхваливал свой товар, а скромно выкладывал кое-что из запасов на прилавок. В основном на базаре хозяйничали оккупанты. В зависимости от воспитания и настроения они могли отобрать товар или предложить свой, но потом, получив желаемую вещь, не отдать обещанную в обмен тушёнку или крупу. Было ясно: с наступлением зимы придёт голод.

Через пару недель изменилась жизнь Шурочки и её девочек. В калитку ворвалась запыхавшаяся соседка Валя: «Тётечка, тякайте! За вами идут!» – только и успела выкрикнуть. Позже, после войны, бабушка узнала, что Валя по заданию подполья устроилась уборщицей в гестапо – она хорошо знала немецкий и спасла несколько десятков жизней. Осенью 1942 года фашисты арестуют и расстреляют группу подпольщиков, в том числе и Валью.

Шура схватила дочек за руки и, воспользовавшись запасной калиткой, махнула через чужие сады и огороды, через весь город – в лес. Без еды, без запасной одежды и обуви.

Первая весна в освобождённом Могилёве. Галя в центре, Александра во втором ряду справа. 1945

Не раз, сидя в лесу и дрожа с девочками от холода и голода, она прокручивала назад плёнку событий и ругала себя: «Авось, хлебушек-то можно было схватить». Почти месяц бродила женщина с детьми по лесам и оккупированным сёлам. Кормились подаванием. Чтобы никто из патрульных не позарился на старшую дочь Галину, мать намазывала её лицо красной ягодой и натягивала платок на самые глаза. Была и другая опасность: бродяг часто вылавливали для отправки в Германию, и Шура всем, кого встречала, говорила, что девочка больна заразной болезнью.

Однажды в Быховском лесу беглянки повстречали доктора Илью. Шура он показался древним стариком. Он был похож на вырванный из земли трухлявый пенёк с длинными корнями: курчавые волосы отросли и торчали стальными спиралями во все стороны, руки и ноги исхудали и вытянулись в длину. Шура очень удивилась, когда узнала, что доктору всего 44 года. Каждый день он снова и снова принимался рассказывать свою тяжкую историю. Повествовал о том, как уехал в областной центр и избежал гетто, и о том, как его спасение обернулось неподъёмным горем: на краю оврага под Быховом немцы расстреляли его мать, брата с женой и четырьмя детьми, любимую жену Лизу и трёх прекрасных дочерей. В Ганьковом рву были погребены пять тысяч человек... В основном – женщины, старики и дети.

Когда дежурившие у рва полицаи наконец уехали, доктор ещё долго боялся приближаться к стонущему рву. Шура увидела его лежащим на кочке: он смотрел, как усердно трудятся муравьи, как гармонично налажена их жизнь, в отличие от человеческой.

Потом они вместе искали партизан, а когда пришли в отряд, почти месяц сидели под арестом – проходили проверку. Трудной была партизанская жизнь. Освободят деревню от немцев – поживут в хатах, отогреются. Прибудет карательный отряд – бегут в лес. За связь с партизанами немцы сгоняли мирных жителей в церкви и сараи и поджигали. Маме и бабушке не раз приходилось спасать людей из горящих строений. Однажды Гале удалось вытащить обгоревшую женщину. Она была без сознания, а когда пришла в себя, поняла, что ребёнок остался в полыхающей церкви, и бросилась в огонь...

...Раньше я часто задавала себе вопрос: почему Константин Симонов завещал развеять свой прах над Буйничским полем? Но, оказавшись на мемориальном комплексе, словно заглянула в душу любимого писателя. После того, что пережил Константин Симонов под Могилёвом, он понял, что такое подвиг: как это – сражаться до последней пули. А броситься под танк... Ему единственному дали билет на выход из жерла смерти, но сердце его навсегда осталось на том поле брани... И наши сердца сегодня там – в далёком и близком июне 1941 года.

Ольга Шейпак